

выдвигает возражения и против упрощенных, с его точки зрения, представлений, получивших известное распространение в переживавшем стадию становления славянофильстве.

Если согласно одной версии, говорит Хомяков, в прошлом страны нет ничего благородного, достойного уважения и подражания, ни одной светлой минуты, то по другой все было лучше в старые годы: существовало равенство, почти совершенное, всех сословий, власть была дружна с народом, церковь являлась свободной, чистой и просвещенной, и т.п. Но, считает Хомяков, обзрев эти мнения, «едва ли можно пристать к тому или другому»⁶.

Вскоре, в том же 1839 г., названная работа была дополнена еще одним программным документом. Это было произведение, принадлежавшее перу И.В.Киреевского, — «В ответ А.С.Хомякову» (не предназначенное тогда для печати).

Киреевский заявлял, что не имеет намерения писать сатиру на Запад — он высоко ценит тамошние удобства жизни общественной и частной. Но на Западе восторжествовал идеал бездушного расчета, ему органически свойственны нравственная апатия, всеобщий эгоизм. Путь, избранный там, не подходит России. В последние 200 лет она получила от Запада немало полезного, но нельзя отвлекаться и от того, что создано ею самою на протяжении 1000 лет.

Началом полемики можно считать 1839 г., когда славянофильство сознательно и системно противопоставило себя западничеству. Но противоборство это имело длительную предысторию. Интерес к судьбам России и путям, по которым ей предназначено следовать, проявлялся уже в средние века.

Сравнивалась ли в это время Русь с соседями Востока?

Нет, русских мыслителей при сопоставлениях привлекал Запад, и только Запад. Были обстоятельства, которые предопределяли это.

Важнейшим фактором, группировавшим страны и народы в средние века, являлась религия. В рамках религиозной общности складывались идеология и культура. Религия утратила национальный характер, который был свойствен ей в древности, и обрела иной — наднациональный. Границы между наднациональными религиями устанавливались в ходе противоборства, но они не были произвольными. Ими очерчивался — пусть грубо, приблизительно — исторический и географический регион. Христианство являлось религией, общей для всего Европейского региона — как для западной его части, так и для восточной.

Однако оно изначально не могло не считаться со многими реалиями, отличавшими различные области Европы. В нем длительное время совершалась дифференциация, на первых порах — исподволь, впоследствии же — въявь. К середине XI в. фактически завершилось обособление двух ветвей христианства, имевших центры в Риме и Константинополе. Спор об опресноках и субботнем посте, сам по себе совершенно недостаточный для выявления конфессиональных различий, послужил поводом и толчком для разделения в 1054 г. церковью — великой схизмы. Католицизм и православие становятся явлениями религиозной жизни — противостоящими друг другу, конкурирующими между собой.

В Восточной Европе, в конце концов, обособился конфессиональный подвид — русское православие. На Руси христианство встретилось с бытовавшим здесь издавна язычеством и, вытесняя его, обогащалось его представлениями и обрядностью. Новая религия корректировалась реальными отличиями Руси от других стран, в том числе православных — Византии, Болгарии, Сербии. Русское православие не только отразило

особенности страны, но и само стало одним из ее характерных структурных компонентов.

Успехи Московской Руси, собравшей вокруг себя русский народ, а затем и некоторые другие народы, относились общественным сознанием не только и даже не столько к политическим и военным акциям, сколько к православной идеологии. Неудачи других православных стран, прекративших свое существование или же продолживших его под иноземным владычеством, выдвинули на первый план не какое-либо иное православие, а именно русское. Москва стала восприниматься преемницей Рима, где сложилась христианская церковь, и Константинополя, второго Рима, отстаивавшего правую веру, когда первый изменил ей.

Ищутся и находятся все новые связующие с Римом и Константинополем. В конце XV в. митрополит Зосима, глава Русской православной церкви, называет Ивана III новым царем Константином, а Москву — новым градом Константина. В это же время складывается легенда о вручении царских регалий («шапки Мономаха») византийским императором Константином Мономахом внуку — Киевскому князю Владимиру Мономаху⁷.

В начале XVI в. монах Псковского Елиазарова Монастыря Филофей формулирует концепцию «Москва — третий Рим», согласно которой Москва является наследницей двух первых Римов, сыгравших столь значительную роль в истории христианства; она будет хранить доставшиеся ей духовные сокровища вечно, так что четвертому Риму уже не бывать⁸.

Иван IV не довольствуется происхождением от Рюрика; он претендует на родство с римским императором Августом, считая, что династия Рюриковичей восходит, в свою очередь, к Прусу, брату Августа⁹.

Превосходство Руси над Западом обретало, таким образом, всеобъемлющий характер. Третий Рим, истин-

ная вера, прямое наследование власти римских императоров, родство с Августом... Кто мог все это превзойти?

В XVII в. тональность и настрой русского общественного сознания начинают меняться. Европа представляла такие достижения в сфере науки и культуры, которым трудно было что-либо противопоставить. Изоляционизм все более сменяется заимствованиями; модернизаторство теснит традиционализм; совершается обмирщение социальной жизни.

Прежде восточноевропейский вариант общества отличался от западного тем, что он по-своему воплощал ценности феодализма. В XVII в. ситуация выглядит иначе. Европа обуржуазивается. Начавшаяся в 1640 г. Английская революция значительно ускорила те социальные процессы, которые давно уже, несмотря на противодействие сил старого порядка, шли. В XVII в. отставание России от Запада становится явным и не может оставаться незамеченным в правящих кругах.

На грани XVII и XVIII столетий предпринимаются решительные попытки осовременить Россию, сблизить ее с Западом. Господствующий класс одевается в европейское платье. В духе европейской архитектуры отстраиваются новые и перестраиваются старые города. Столица государства получает нерусское название. С западных оригиналов копируются правительственные учреждения, по иноземным образцам организуется армия.

Но европеизация эта была поверхностной. Экономические структуры развивались в прежнем направлении. Крепостничество усилилось и достигло апогея. Оно шло вширь, захватывая новые группы населения, и по своему характеру приближалось к рабству. Самодержавие, формировавшееся с конца XV в., в империи получило свое завершение. Элементы, воспринятые с Запада, российский феодализм не расшатал, а сделал более жизнестойким. Обретя новые силы, он продержался еще полтора столетия и уступил свое место строю, шед-

шему ему на смену, лишь в 1861 г., да и то не исчезнув при этом без остатка.

Крутой поворот к Европе, совершенный в конце XVII—начале XVIII в., привел к падению идеологии третьего Рима и замене ее официальным западничеством, порочившим отвергнутое русское прошлое как дикость и варварство.

Каждая из этих идеологий, задавшая тон в свое время, господствовала все же не безраздельно. В эпоху третьего Рима некоторые мыслители и общественные деятели ценили опыт, накопленный Западом, и призывали не чуждаться его. Князь И.А.Хворостинин, симпатизировавший Европе и католицизму, за свои взгляды подвергался опалам, гонениям, заточению в монастырь (он умер в 1625 г.). К числу приверженцев западного влияния в XVII в. В.О.Ключевский, наряду с ним, относит также А.Л.Ордина-Нащекина и Ф.М.Ртищева¹⁰. Последние стояли уже у руля правления.

В общественном сознании второй половины XVII в. западники, или латинники, возлагавшие надежды на Запад и его культуру, вели наступательную и успешную борьбу с восточниками, или грекофилами, полагавшими на традиционные ценности и учение о Москве — третьем Риме¹¹. Перевес, достигнутый западниками, явился предвестником скорого и полного торжества нового курса.

Официально утвердившееся западничество также встречало возражения и противодействия — в сочинениях и деятельности М.В.Ломоносова, Д.И.Фонвизина, А.С.Грибоедова, некоторых других литераторов и ученых. А.И.Герцен составил целый реестр действий, шедших вразрез с «петербургским терроризмом образования», начиная с царевича Алексея, не сочувствовавшего петровским преобразованиям, и кончая российским воинством времен 1812 г., требовавшим смены Бар-

кляя с поста главнокомандующего из-за его нерусского происхождения¹².

Если XVII столетию известны были западники и восточники, то в 90-х гг. XVIII в. появляются и первые «славянофилы»¹³. Данное название закрепилось за А.С. Шишковым и его единомышленниками, которые обнаруживали склонность к русской старине, возражали против злоупотреблений галлицизмами и стремились обогатить русскую лексику за счет церковнославянской.

Термины, появившиеся задолго до знаменитой дискуссии, и стали впоследствии теми старыми мехами, в которые было влито новое вино.

В 30-х гг. XIX в. официальное сознание, двигавшееся по спирали, совершило еще один поворот, вернувшись к забытым мотивам самобытности. Были выдвинуты специфически русские охранительные начала: православие, самодержавие, народность. Они должны были стать залогом силы и величия государства. Автором новой концепции, Филофеем XIX столетия, явился С.С.Уваров, сформулировавший ее в 1832 г., будучи товарищем министра просвещения (с марта 1833 г. он министр). Теория Уварова была принята на самом верху, одобрена императором, приобрела официальный статус¹⁴.

Уваров считал эту теорию якорем спасения. Действительно, наступили такие времена, которые требовали для сохранения существующего новых усилий, иных, чем прежде, мер. Официальное западничество исчерпало свои возможности. Если в начале XVIII столетия Европа, за исключением немногих стран (Нидерланды, Англия), еще оставалась феодальной, то к 30-м годам XIX в. она являлась уже почти всецело буржуазной. Россия была здесь теперь основным бастионом старых порядков, и ориентировать ее на Запад значило бы признать правомерность буржуазного развития и сопутствовавших ему революционных событий (революции — после Великой французской — следовали в различных

странах Европы одна за другой). В самой России буржуазные связи и отношения в 60-х годах XVIII столетия сложились в целостный уклад, который, несмотря на все переживаемые им трудности, в перспективе имел явные шансы стать господствующим.

В условиях, когда феодализм становился — в общеевропейском, да и в мировом масштабе — пережиточным явлением, новая доктрина имела эпигонский характер. И у создателя ее было мало общего с его средневековыми предшественниками, которых отличала большая личная убежденность. Не отрицая дарований Уварова, С.М.Соловьев писал о нем: «... это был лакей, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I), но оставшийся в сердце лакеем». Он «придумал эти начала, т.е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником, не веруя в Христа даже и по-протестантски; самодержавие — будучи либералом; народность — не прочтя в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки. Люди порядочные, к нему близкие, одолженные им и любившие его, с горем признавались, что не было никакой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран грязными поступками»¹⁵.

Официальной народности не была суждена столь долгая жизнь, как третьему Риму. Все же мероприятия, предпринятые николаевским режимом, отчасти и благодаря ей, падение феодальных порядков в России получило отсрочку еще на три десятилетия.

При данных обстоятельствах — социальных, исторических и идейных — и развернулось противоборство между западничеством и славнофильством.

Полемика, начатая в 1839 г., была продолжена западниками и славянофилами в 40-х и 50-х годах XIX в. Принимая различные формы, она была свойственна и последующим направлениям философии и обществен-

ной мысли. Западничество или самобытность? Следование имеющимся образцам или особый путь? Единственно возможно то развитие, которое дано Западу историей, или это не так? Подобные вопросы неизменно находились в центре внимания русского философского и общественного сознания в XIX и XX столетиях.

Русская философия после Октябрьской революции в основной своей части была вытеснена из Советской России, но споры о будущем страны были продолжены в русской диаспоре различных стран Европы. Рубежным для полемики стал 1939 г. Вторая мировая война отодвинула прежние теоретические проблемы. Русская философия из-за фашистской угрозы пережила еще одно изгнание. Закрывались журналы и издательства, публиковавшие философские работы.

В русской философии время после 1939 г. это уже не эпоха дискуссий, хотя спорадически они возникали, а пора подведения итогов; после войны появляются фундаментальные историко-философские труды.

Диспуты, в ходе которых предлагались прозападнические варианты социального развития и формулировались проекты, ориентированные на самобытность, точно укладываются в промежуток времени между 1839 и 1939 гг.

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ: СТРАННЫЕ ПРОТИВНИКИ

Начавшись в 1839 г., дискуссия западников со славянофилами продолжалась более 20 лет — вплоть до реформы 1861 г. Упразднение крепостного права в общегосударственном масштабе, переведшее страну в русло иной общественно-экономической формации, — рубеж в истории России. Многие задачи, стоявшие перед русским обществом, оказались, так или иначе, решенными, а вместо них выдвинулись другие, требовавшие новых подходов. Западническая и славянофильская группы, те доктрины, которыми они руководствовались, их социальные и философские концепции становятся достоянием истории.

Основные теоретические силы славянофильства были к этому времени уже утрачены. Тяжелым для него стал 1860 г., когда ушли из жизни А.С.Хомяков и К.С.Аксаков. Ранее, в 1856 г., скончался И.В.Киреевский.

Возвратившийся в Россию в 1861 г. Б.Н.Чичерин, представлявший западников (несколько предшествующих лет он прожил в Европе), сделал такой вывод: «...обстоятельства совершенно изменились. Теоретические споры умолкли; настала пора практических преобразований. На этой почве мы могли сойтись с прежними противниками, тем более что главные фанатики сошли

со сцены. Не было Хомякова; не было и Константина Аксакова. Самарин и Черкасский всецело были погружены в освобождение крестьян, на котором сходились обе партии. Один Иван Аксаков продолжал петь старые песни, потерявшие уже всякое серьезное значение»¹⁶.

Кружок славянофилов прекратил свое существование. То, что идеология славянофильства в новых условиях утратила смысл, признавали и его прежние представители. А.И.Кошелев выражал глубокое убеждение, что «пора так называемых славянофильства и западничества безвозвратно миновала...»¹⁷.

Правда, деятельность И.С.Аксакова давала повод говорить, что он — «папа нынешнего славянофильства»¹⁸. Но его же коллеги по распавшемуся кружку подчеркивали эпигонский характер выступлений Аксакова, считали, что его статьи и мнения отзываются «каким-то отжившим славянофильством»¹⁹.

Кружок западников также исчерпал свои ресурсы в дореформенную эпоху. П.В.Анненков, его участник, а затем историограф, писал, что во второй половине 40-х гг. западнический круг начал распадаться «под тяжестью собственной своей слишком абстрактной задачи и под напором новых общественных и социальных вопросов»²⁰. Сплоченная ранее группа единомышленников превращалась в разрозненное сообщество.

Любая дискуссия имеет собственный временной предел; так или иначе, но финал неизбежен. Обе противоборствовавшие группы насчитывали в своих рядах несколько десятков активных сторонников и сравнительно небольшое число теоретиков. В конце концов аргументация с обеих сторон оказалась исчерпанной.

На протяжении же тех лет, когда группы славянофилов и западников противодействовали друг другу, дискуссия между ними являлась весьма интенсивной.

В полемику включались печатные органы. Статьи, написанные славянофилами, в 40—50-х гг. публика-